

УДК 81'27; 81'373

UDC 81'27; 81'373

Ростов Олег Робертович**Ивановский государственный политехнический университет****г. Иваново, Российская Федерация****Oleg R. Rostov****Ivanovo State Polytechnic University****Ivanovo, Russian Federation**

olegrost@gmail.com

Тамаев Павел Михайлович**Независимый исследователь****г. Иваново, Российская Федерация****Pavel M. Tamayev****Independent researcher****Ivanovo, Russian Federation**

ptamaiev@mail.ru

***ПОСЛОВИЦА НЕ НА ВЕТЕР МОЛВИТСЯ: НАРОДНЫЙ РАССКАЗ В. И. ДАЛЯ
«МАСТЕРОВОЙ ЧЕЛОВЕК НИГДЕ НЕ ПРОПАДЁТ»******В ЗЕРКАЛЕ РУССКИХ ПАРЕМИЙ И «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ
ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА»******A PROVERB DOES NOT UTTER TO THE WIND: FOLK STORY BY V. I. DAHL******“A SKILLED CRAFTSMAN WILL NOT GET LOST ANYWHERE”******IN THE MIRROR OF RUSSIAN PAREMIAS AND THE EXPLANATORY
DICTIONARY OF THE LIVING GREAT RUSSIAN LANGUAGE*****Аннотация**

Считать ли «Пословицы, поговорки и присловья русского народа» и «Толковый словарь живого великорусского языка» «побочными продуктами прозы» В. И. Даля, или же далевское художественное творчество – это «сложный гетерогенный текст, в центре которого находится Словарь»? Авторы статьи, обосновывая тесную связь лингвистических и литературных трудов Даля, рассматривают их как составляющие его уникального опыта народознания и народопросвещения, выработанного неустанным трудом народоизучения. На примере «статьи» «Мастеровой человек нигде не пропадет» выделяются особенности далевской народной прозы, а именно, взаимное истолкование паремий и сюжетов (паремии за текстом как фон и зеркало произведения), уточняется позиция Даля по актуальным для XIX века проблемам народного просвещения, необходимости создания народных книг и обучения солдат грамотности и ремеслу. В результате получены следующие выводы. Во-первых, сюжетные коллизии, отражённые в анализируемом произведении Даля, можно рассматривать как прототипические ситуации, которые так или иначе содержательно соотносятся с иллюстративно-паремическими материалами Далева словаря. Во-вторых, пословицы и поговорки, реплики и суждения Даля в словаре сопровождают (за текстом) сюжет его произведения, с одной стороны, создавая базу для его интерпретации, с другой стороны, манифестируя авторское видение житейского смысла народной «статьи» в целом; они также «поясняют» характеры и «комментируют» действия персонажей.

Abstract

Are the “Proverbs, sayings and household term of the Russian people” and the “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” considered to be “by-products of prose” by V.I.Dahl, or is his artistic creation “a complex heterogeneous text whose center is the Dictionary”? Justifying the close connection of Dahl's linguistic and literary works, we consider them as components of his unique experience of popular science and

public education, developed by the tireless efforts of popular science. On the example of the 'article' "A skilled craftsman will not get lost anywhere", the features of Dahl's prose are highlighted, but it is precisely the mutual interpretation of the paremias and plots (paremias behind the text as the background and mirror of the work) that clarifies Dahl's position on the issues of public education relevant for the 19th century, as well as on the need to create folk books and train soldiers in literacy and handicraft. The results of our study enable to conclude the following. First, plot conflicts revealed during the Dahl's work's analysis can be considered as prototypical situations that are somehow meaningfully correlated with the illustrative-paremic materials of Dahl's dictionary. Second, proverbs and sayings, replicas and constrictions of Dahl in the dictionary accompany (behind the text) the plot of his work, on the one hand, creating a basis for its interpretation, on the other hand, manifesting the author's vision of the everyday wisdom of the folk 'article' as a whole; they also 'explain' the characters and 'comment' upon their actions.

Ключевые слова: В. И. Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка» (словарь), пословица, поговорка, паремия, «Солдатские досуги», народная «статья», грамота/грамотность, ремесло.

Keywords: V. I. Dahl, "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" (Dictionary), proverb, paremia, "Soldiers' Leisure Activities", folk 'article', literacy, handicraft.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_3_128_141

1. Введение

Проблемы литературы о народе и народной литературы, а также необходимость создания народных книг были в русской словесности XIX века (в критике, писательских и филологических кругах) предметом горячих обсуждений и споров. Свой уникальный опыт народознания и народопросвещения¹, выработанный неустанным трудом народоизучения, представил соотечественникам и В. И. Даль (подробнее в [Тамаев, 2001, с. 53–61]). Сегодня понятие феномен Даля в постижении народного самосознания, «способа жизни» простолюдина помогает правило, чётко определённое Н. Н. Страховым: «...нужно уметь идти за писателем и художником всюду, куда он нас ведёт, и видеть всё, что он нам показывает» [Страхов, 1984, с. 124].

Первоначальная творческая, научная и народоведческая идея Даля состояла в том, что «...собрание пословиц <...> и сказки, и даже самый словарь <...> почти одинаково относятся к познанию языка русского и к описанию народного быта» [Даль, 2017, с. 517]. В 1873 году И. С. Аксаков, отметив, что далевская «...нравственная особенность и сила применена была к труду, а самый труд – труд всей жизни – приложен к изучению русского простонародия» [Аксаков, 1981, с. 257], по сути также указал на слитность разнородных материалов, полученных Далем в ходе филологических и фольклорно-этнографических разысканий². При этом литературное творчество как нельзя лучше помогало Дालю прежде всего самому глубоко и творчески осмыслить собранную им

¹ Уникальность далевского народопросвещения состоит прежде всего в том, что оно было направлено на то, чтобы соединить «родимое» и «привитое», а потому затрагивало также и европейски образованные слои русского общества, от которых необходимо требовалось: «...полное и совершенное знание русского ума и русского сердца; знание русского <...> быта... <...> ...знать все русские слова и выражения, <...> русский язык гораздо короче и лучше всех других <...> ...мыслить, думать по-русски... <...> ...привыкнуть к русскому складу» [Даль, 2017, с. 535].

² Ведь действительно, раздумья Даля-этнографа об особенностях «народного быта» и «жизненного уклада» перетекают в повествования Даля-писателя о прошлом и настоящем русской жизни и культуры, и всё это очень часто переплетается с размышлениями Даля-филолога о путях развития отечественной словесности и общенационального литературного языка. В этом плане показательна прежде всего повесть «Савелий Граб, или Двойник», которая явно идейно и содержательно связана с «москвитянскими» публикациями «Полтора слова о нынешнем русском языке» и «Недовесок к статье "Полтора слова о нынешнем русском языке"» (1842), в которых, в свою очередь, вопросы языка обсуждаются в широком контексте множества проблем, волновавших тогдашнее русское общество.

«клад» сведений о «быте телесном» и «быте духовном», а также наглядно представить русским людям «нынешнего покрою, с бритой бородой, во фраке или в вицмундире» [Даль, 2017, с. 534] традиционный «народный быт» во всём его многообразии, напомнить им о национальных «корнях», о том, что «было, было время на Руси, что ходил молодец в кафтане, ходила девка в сарафане».

Современные исследователи уверенно говорят о междисциплинарном характере наследия Даля, видят корреляцию и взаимосвязь не только частей его «...своего рода лингвокультурологической диалогии, оформленной по закону системы, в которой элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены» [Фархутдинова, 2000, с. 46], но и «Толкового словаря живого великорусского языка» со всеми его сочинениями, в том числе и художественными. Так, А. И. Байрамукова отмечает, что «...творчество В. И. Даля представляет собой сложный гетерогенный текст, в центре которого находится Словарь» [Байрамукова, 2013, с. 380]³. Это значит, что объективно уже нельзя оценивать Далевы «Пословицы, поговорки и присловья русского народа» и «Толковый словарь живого великорусского языка» как «побочные продукты его прозы» [Мильдон, 2002, с. 162] и отрывать далевскую прозу от его лексикографии и паремиологии. Тем более, что последнее для Даля было «работой», ради которой он «...во всю жизнь свою собирал запасы, надеясь окончить её хоть под старость» [Даль, 2017, с. 517]. Поскольку Даль постоянно продумывал не только лингвистические аспекты содержания словарных статей, Словарь «вызревал» в том числе и в его художественной прозе [Фесенко, 1999, с. 15, 87, 189]. Ведь прежде всего в ней «живые» лексемы, сочетания, паремии «приноравливались» к письменной речи. На фоне резких стилистических противоречий в литературном языке, проблемы синтеза национально-языковой культуры и задачи создать литературный язык и саму литературу на принципах народности Даль, начиная с «Пятка первого» (1832), «...задал себе задачу познакомить земляков своих <...> с народным языком, с говором...» [Даль, 2017, с. 545], показывал самоценное «живое» русское слово – всю семантико-смысловую широту и глубину простонародной лексики, фразеологии и паремиологии, малоизвестных читателю XIX века.

2. Лингвоцентризм прозы В. И. Даля

Образ-эпитет *Живое слово* стал для Даля основополагающим в словарной статье «Слово». Идущие за ним паремические ряды – не просто иллюстрации. Услышанные Далем «в простой беседе» с крестьянами и мастеровыми, солдатами и матросами, они раскрывают дух простого народа, силу его языка – способность как охватить предмет и явление едва ли не целиком, так и высветить их отдельные грани, обозначить противоположности. «Фоновые знания» народа о Слове, житейски-образное восприятие и аксиология отношений человека и Слова (к Слову, со Словом) явлены в Далевом Словаре в возможной полноте. По Далю, *слово дано* было человеку, чтобы «...выражать гласно мысли и чувства свои <...> сообщаться разумно сочетаемыми звуками» [Даль, 2002, Т. IV, с. 221–222]. И человек в «словесной речи» способен раскрыть сущностную энергию каждого слова – оживить в нём «картинки жизни» – «картины из русского быта»⁴: сюжеты, характеры, судьбы.

По оценке И. С. Аксакова, для Даля «...русское слово не было <...> только средством <...> оно само по себе было для него предметом и целью, преимущественно с ху-

³ В Словаре Даль постоянно высказывался и по острым общественным проблемам. Его суждения о народной грамотности, народном чтении, отмечающие суть позиции, даны ниже.

⁴ Современная метафора, показывающая способность упорядоченной совокупности лексем в словаре отражать целостные фрагменты внеязыковой реальности (подробнее в [Шведова, 1999, с. 3–16]), и название циклов Далевых бытовых зарисовок. Смысловые совпадения *картинки/картины* и *жизни/быта* закономерны.

дожественной своей стороны <...> Поэтому и в произведениях Даля, относящихся, по своей внешней форме, к разряду “изысканной словесности”, видится одна главная задача: воспроизвести собственно это же слово в его жизненной обстановке, во всей его меткости и уместности! Оттого и язык его повестей и рассказов – не столько органическая, творческая речь самого автора, сколько живой талантливый подбор народных выражений, поговорок, пословиц, – будто нити, нанизанные зернами» [Аксаков, 1981, с. 256–257]. В Далекой прозе происходило «...сюжетное иллюстрирование языкового материала» [Путилина, 2008, с. 27], «слово становилось не только средством, но и объектом отображения, оно как будто срасталось с излагаемыми событиями» [Фесенко, 1999, с. 87]. Языковая доминанта прозы Даля проявляется в «...художественном самовыявлении русского слова как гаранта национальной и нравственной стабильности...», в «...эстетическом, духовном переживании слова...», в «...особом лингвоцентрическом строе авторских мыслей и чувств» [Путилина, 2008, с. 4, 5, 26] и т. д. Изучая «живую» языковую действительность во взаимосвязи с бытом «телесным» и «духовным», наблюдая, как в образованном обществе язык «измололся до пошлой бесцветной речи», Даль решает творческие задачи, оценивает литературные традиции и современный контекст⁵. А потому язык – и «самый заметный приём литературной техники Даля»: «игра языком», «языковые пародии», «прямое обыгрывание слов», «игра с фонетикой»; для него «...важен язык, а не происшествие, интонация, а не действия» [Мильдон, 2002, с. 162, 163, 164, 166]. Уже в программной повести «Савелий Граб, или Двойник» и сам писатель подчёркивал, что «статья» о языке для него «самая главная и важная».

«Чисто далевским» приёмом считают «разрастание словесной формулы в развёрнутый сюжет» [Путилина, 2008, с. 12]. Также Даль «...открывает и художественно воплощает принцип органичного сочетания фольклорной и литературной традиции за счёт сюжетобразующей роли пословиц, поговорок, фразеологизмов и различного рода сверхфразовых единств <...> в пределах многосоставного сказа» [Фесенко, 1999, с. 70]⁶. Писатель композиционно использует паремии и их блоки как *эпизод* – «...пословие, концесловие, заключение, привесок...», *послесловие* – «пословие, объяснение, последующее сочинению...», или как *пролог* – «...введение, вступление, предисловие к сочинению...», *эпиграф* – «...изречение, которое писатель, как значок или знамя, выставляет в заголовке своего сочинения: девиз, словцо, оголовок» [Даль, 2002, Т. I, с. 520; Т. III, с. 336, 494; Т. IV, с. 665]. Соответственно в далевской прозе паремии «...фокусируют <...> основную проблематику сопутствующего им эпизода, мотивируют, оценивают и удостоверяют изображаемое. <...> ...комментируют действие» [Фесенко, 1999, с. 81], подводят сюжетный итог, играют роль житейской морали, мудрости, которую, по замыслу автора, должно извлечь из прочитанного. Ведь в пословицах выражается «...вся житейская опытность человечества, вся веками нажитая премудрость, передаваемая через десятки поколений, от отца к сыну и внуку»; «...все народные пословицы сложились в быту житейском и применение их крайне разнообразно» [Даль, 2017, с. 501, 607].

При этом и пословица, и поговорка – по Далю, *обиняк* – «...намёк, иносказание, обоюдность речи, двусмысленность, загадочное объяснение» [Даль, 2002, Т. II, с. 584]. Вот как он их определяет: «Пословица – коротенькая притча <...>. Это суждение, приго-

⁵ Иную точку зрения высказывает Н. Л. Юган [Юган, 2011, с. 10–11].

⁶ В плане сюжетобразующей роли паремий среди предшественников Даля – А. П. Сумароков, И. А. Крылов, у которого многие басни «...вырастают как бы непосредственно из пословиц...», И. И. Хемницер (напр., «Два соседа») и др. Так, И. Ф. Богданович «...создаёт басню-пословицу <...> как бы иллюстрацию к русской пословице...» [Степанов, 1949, с. LXV, XLI]. В Словаре Даль упоминает «притчи Сумарокова, басни», цитирует Богдановича. Но ссылки на сюжеты и цитаты из басен Крылова в нём наиболее частотны (более 60), пожалуй, именно с творчеством Крылова Даль был особенно хорошо знаком. О крыловском выражении порой замечается: «перешло в поговорку» [Даль, 2002, Т. III, с. 453; Т. IV, с. 112; Т. II, с. 261].

вор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. <...> ...как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения, и из приложения, толкования, поучения; нередко однако же вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки»; «Поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения – но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы. Поговорка заменяет только прямую речь окольную, не договаривает, иногда и не называет вещи, но, условно, весьма ясно намекает» [Даль, 2017, с. 605, 607].

Понятно, что *намёки и обиняки, окольные выражения и переносные речи* подчас требуют комментария, толкования, объяснения: *А вдома ли тебе было, что он говорил?; Твой намёк мне невдомёк; Говорить, так договаривать; а не договаривать, так лучше не говорить, о намёках; Ты обинуешься, а у меня нет догадки; Не говори обиняком, говори напрямиком; Не люблю обиняков; Полно тебе околесить, выскажи прямо, чего хочешь?; Много околичностей у тебя, так мы и дела не кончим; Обиняки не в тяжку нам* [Даль, 2002, Т. I, с. 173, 450; Т. II, с. 584, 590, 665; Т. IV, с. 452]. И Даль в одних произведениях, начав говорить «обиняком», переходит к сказу «прямиком словом»: пословица / поговорка, так «приложенная к делу», развертывается в повествование; происходит и обратное: сказ-«прямик» завершается «обиняком», т.е. словно бы редуцируется до «коротенькой притчи» – пословицы. Так Даль «приноравливает» то сюжеты под пословицы / поговорки, то пословицы / поговорки под сюжеты, и возникает далевское взаимное *истолкование* сюжетов и паремий, что имеет лингвистическую основу: мысль Даля-«словарника» тоже плавно течёт от определения (дефиниций) к соответствующему слову или от слова к его толкованию. Всё это манифестирует *жизнь Слова-Образа* в прозе и Словаре Даля как в едином пространстве, отражающем русскую жизнь не только XIX века, но и «в старинные годы, когда ещё Бог не даровал земле Русской единодержавного царя и государя...».

3. «Живое слово» в народных «складчинах» В. И. Даля

Показательны в этом плане сюжеты Далевых «статей» из солдатских и матросских «Досугов» (1843, 1861 и 1853), «Бывальщинок для крестьян» (1862). Эти «складчины всякого добра», адресованные простолюдинам, открыты не только в рамках далевского «гипертекста», но и устной словесности в целом. В них отчётливо слышно народное слово-многоголосие, им свойственны хоровое начало и эффект присутствия на крестьянской беседе (подробнее в [Ростов, 2013, с. 79–82]). Пословицы и поговорки этому тоже яркие маркеры. Но Далю важны и другие их свойства. Прежде всего с их помощью простолюдины оценивают увиденное и услышанное и решают, стоит ли это доверия: *Пословица не мимо (недаром) говорится; Пень (рожь в поле) не околица, глупая речь не пословица; Белый свет не околица (не огорожен), а пустая речь не пословица; Рожь в поле не околица, а пьяного речь не пословица; Пословица не на ветер молвится; Старинная пословица не мимо молвится; На рынке пословицы не купишь. Пословицами на базаре не торгуют* [Даль, 2002, Т. I, с. 363; Т. II, с. 665; Т. III, с. 257, 334–335]. А потому Даль вводит паремии в народные «статьи» не только ради лингвоэнциклопедического и сюжетного их толкования или сказовой стилизации повествования, тем более, учитывая адресата «складчин», не ради презентации их публике «элитарной культуры»⁷. Пословицы и поговорки помогают ему лучше и точнее донести

⁷ Термин введён Н. И. Толстым [Толстой, 1995, с. 16–17].

определённую информацию, показать её под нужным углом зрения и с разных, порой противоположных сторон. Ведь одна из целей Даля-писателя – «...понятийная точность, переданная через живое русское слово, систематическое исследование всех сторон русской повседневности» [Байрамукова, 2013, с. 390]. И Даль, помня, что «приговора», вынесенного пословицей, «обжаловать нельзя», что для простолюдина «...меткая пословица решает в высшей и последней степени» [Даль, 2017, с. 500], будто специально выверяет свои сюжеты, фабулы, коллизии и персонажей на соответствие паремиям. А потому многие Далевы тексты можно определить как прототипические ситуации⁸, в которых проясняется изначальный житейски-прагматический и ассоциативно-образный смысл соответствующих пословиц и поговорок. Кроме того, паремии органично вписывают далевские народные произведения и в исторический контекст устной словесности, и в повседневность разнородных «слухов и толков», передаваемых простолюдинами друг другу в разговорах и беседах. Наконец, применительно к далевской прозе можно говорить о пословицах и поговорках не только *в тексте*, но и *за текстом*. Ведь порой, даже не будучи вплетёнными в словесную ткань, они *проглядывают* сквозь написанное / читаемое, образуют внешний фон, окружение, являются зеркалом или полем ассоциаций данного произведения. И дело не только в том, что за каждым произведением Даля стоит Словарь, но и в том, что сюжеты, эпизоды, ситуации, реплики персонажей, комментарии автора часто порождают в сознании читателя образы пословиц и поговорок: *К пиву пошло, к слову молвилось* [Даль, 2002, Т. III, с. 237]. Это хорошо видно в народных книгах Даля⁹ – «Досугах» и «Бывальщинах» с их разговорно-беседной аурой и адресатом – простолудином в солдатской шинели, в матросской робе, в крестьянской домотканой рубахе и армяке. Припомнить, что говорит пословица об услышанной новости, какая ходит о том в миру поговорка, рассказать свою в ответ на поведанную товарищем историю, вставить в разговоре между делом, а то и в неспешной *круговой беседе* или *беседе за хлебом-солью*¹⁰, на досуге «за трубкой ли вокруг кадки, за чаркой ли на берегу» свое лыко в строку – одна из ярких черт простонародного сознания и общения в крестьянской общине, артели мастеровых, в солдатском братстве – там, где «без пословицы не проживёшь», где «живое» и меткое слово издревле, «по заветам отцов», – органичная часть повседневного «быта духовного». Продуктивны для доказательства гипотезы о паремиях за текстом произведений Даля, отражающих их фрагменты как в зеркале, формирующих их поле ассоциаций, и положения «теории субъектности текста» о «напечатанном тексте» как «...базе интерпретации, от которой можно двигаться в разные, даже в противоположные стороны (к инстанциям тотального автора или тотального читателя)», о том, что произведения «...нельзя возвести к (или низвести до) Тексту как таковому – они гетерогенны в генетическом и типологическом аспектах», что «...художественный текст в принципе, в силу неопределенности/вариативности своей прагматики позволяет <...> интерпретации», «...тем более если он игровой (автор предлагает не только читателю, но и языку: “Давай поиграем”» [Иванов, Лакербай, 2017, с. 177, 178, 179]. Последнее у Даля не редко.

4. Паремии в тексте и за текстом народного произведения В. И. Даля

Отмеченные особенности далевской народной прозы – взаимное истолкование паремий и сюжетов, паремии *за текстом* как *фон* и *зеркало* произведения – проиллю-

⁸ Прототипическая ситуация – сюжетная ситуация, эпизод, коллизия литературного произведения, гипотетически схожие с ситуацией возникновения данной паремии.

⁹ В 1830-е годы Даль переходит «от постижения национальной самобытности через фольклор <...> к осознанию уклада как сложной, противоречивой совокупности <...> реалий», «...к пониманию основополагающей роли сложившегося жизненного уклада в обретении народами неповторимых духовных черт». В 1849–1859 годах он «...окончательно отождествляет себя лично и свою судьбу с народным мировосприятием» [Фесенко, 1999, с. 133, 116, 165].

¹⁰ Названия «статей» соответственно из «Картин из русского быта» и «Матросских досугов».

стрируем материалом Далева Словаря во взаимосвязи с сюжетом «статьи» «Мастеровой человек нигде не пропадет» из сборника-«складчины» «Солдатские досуги», в которых один из аксиологосмысловых стержней маркирован лексемами *войско* и *мир*, причём «...*войско* – традиционная (наряду с *общиной*, *миром*, *сословиями* и т. п.) форма организации повседневной народной жизни» [Ростов, Тамаев, 2017, с. 136].

На то, что сюжет «статьи» – это своего рода истолкование ряда паремий, указывает уже её заголовок: *Мастеровой человек нигде не пропадёт* – это чуть развёрнутая Далем поговорка *С ремеслом не пропадёшь* [Даль, 2002, Т. IV, с. 91]. В целом же Даль предлагает «провести добросовестное разбирательство» [Даль, 2017, с. 331] в том, точно ли говорят: *Кто грамоте горазд, тому не пропасть* [Даль, 2002, Т. I, с. 377], или более правы те, кто уверен: *Мастеровой человек нигде не пропадёт (С ремеслом не пропадёшь; С руками нигде не пропадёшь)*¹¹.

История о «двух товарищах дружных» и «добрых ребятах» Скандакове и Жерехове, *грамотее* и *мастеровом*, начинается «в одном из батальонов военных кантонистов...», где «...командир заботился о том, чтобы все кантонисты, у кого только есть охота к какому ремеслу, обучались ему прилежно и выходили мастеравыми». Образ командира близок в таком зачине к образу отца, который печётся о будущем детей, что соответствует и солдатской пословице *Солдату отец – командир; мать и мачеха – служба* [Даль, 2002, Т. II, с. 146]. Отеческие методы убеждения кантонистов вполне укладываются в пословицу *Не всё из-под палки (из-под страху), ино и по доброму слову* [Даль, 2002, Т. II, с. 38].

Скандаков и Жерехов по-разному отнеслись к возможности овладеть мастерством-досужеством: «Жерехов сам напросился у майора в мастеравые и на досуге всегда занимался в столярной», а Скандаков «не стал учиться ремеслу, ни столярному, ни сапожному, ни слесарному; отговаривался¹² всё тем, что нет-де в руках у меня ловкости, не смогу ни за что взяться...». При этом Скандаков, хоть и определял себя *бессноровочным человеком* [Даль, 2002, Т. I, с. 74], не был лентяем. Он был «...парень ретивый, за это любили его и начальники. Бывало, где нужда, из шкуры лезет, чтобы угодить и не отстать по службе¹³; стучит сердце в нём <...> так вот и порывается, чтобы взяться за дело, пособить горю...». О таких «*ретивых парнях* – работниках» говорят: *Ленивый к обеду, ретивый к работе*. Так что, возможно, одной из причин нежелания Скандакова

¹¹ Дело не только в том, что Даль «...не видел в массовом обучении крестьян панацеи от всех социальных проблем» [Юган, 2011, с. 277]. Он считал, что «кто грамоту называет просвещением, тот смешивает средство с целью». Его удручало, что «народ коснеет в невежестве, в грубом неведении, необразован», но волновал нравственный аспект образования/просвещения. По Далю, «воспитание должно совмещать в себе умственное и нравственное образование», ведь «...Ум и нрав слитно образуют Дух... <...> Согласный союз нрава и ума <...> образует стройность, совершенство духа; раздор этих начал ведёт к упадку». Он считал, что «низшие слои народа, умственно, конечно ниже, а нравственно, нередко выше нас», и боялся для простолудья, которым и так «образованность воспринимается <...> исподволь», этого «раздора». Он видел, что «образование проникает повсеместно, а с ним проникает и порча нравов», что «просвещение одной наукой, одного только ума, односторонне, и не ведёт к добру», «...даже может быть извращено на зло». В этой ситуации Даль настаивал: одна грамота (сама по себе) не впрок просвещению народа, поскольку «грамотность более относится к чтению», а «мало ли что начитывается народом в глупых книжонках», и так уже «понатрубили в уши народу всякого вздору»: «попереглядел я все книжки, путного тут мало», значит, прежде грамоты нужно заготовить народные чтебники со смыслом. Без этого в грамотности нет проку, ведь и уже знающий грамоты «народ безграмотее от бескнижья» [Даль, 2002, Т. IV, с. 242; Т. II, с. 508; Т. IV, с. 255; Т. II, с. 558, 545; Т. I, с. 250; Т. III, с. 500, 508; Т. IV, с. 132; Т. II, с. 295, 497; Т. III, с. 284, 298; Т. I, с. 60]. См. также статьи и письма Даля 1856–1857 годов к А. И. Кошелеву, «О грамотности», «Заметка о грамотности» и др. Таким образом, Даль был, по словам П. И. Мельникова-Печерского, «...не против народного образования, а против грамотности без чтения...» [Мельников-Печерский, 2017, с. 64].

¹² Захочешь, найдешь отговорку; У всякого Федорки свои отговорки [Даль, 2002, Т. II, с. 719].

¹³ На службу не наговаривайся (не напрашивайся), а от службы, не отговаривайся (не отпрашивайся); На (по) службе нет отговорок [Даль, 2002, Т. II, с. 719].

ремесленничать стало осознание им жесткой предопределённости своей судьбы – жизненной участи: век свой быть «под барабаном» да «под красной шапкой». Так, в Словаре сказано, что *кантонист* – это «солдатский сын, обязанный военною службою», *кантонисты* – это люди военного «сословия», которым с рождения суждено быть солдатами, отсюда и поговорка, закрепившая эту данность в народном сознании: *Поп пона родит, солдат солдата* (по старым законам, о кантонистах). Искренне думая о себе в духе того, что солдатской судьбы не минуешь, року не отворишь, чему быть, того не миновать [Даль, 2002, Т. IV, с. 93; Т. II, с. 278; Т. I, с. 46; Т. II, с. 187, 85; Т. III, с. 308; Т. II, с. 716, 328], не понимал молодой Скандаков, зачем ему, по рождению принадлежащему войску, ещё и обучаться ремеслу, ведь «на службе, известно, не пропадёшь: государь кормит». Тем более он «...как хороший писец, всё доброе чаял от письма своего и надеялся попасть на службу в писари». А писари, как известно, – «военные чины не для бою», или «нестроевые чины»: их служба является «нефронтовой, не назначенной для строя, фронта, для боевого, линейного войска». Быть может, чью-то заветную солдатскую мечту как раз о такой – более лёгкой – службе отразила поговорка: *Дай Бог, чтоб пилося, да елось, а служба и на ум не шла* [Даль, 2002, т. IV, с. 341; т. II, с. 538; т. IV, с. 495]¹⁴.

Однако в мечтах и планах своих не учёл Скандаков, что *наверняка только обухом бьют, да и то промах живёт, и верняк срывается, да и судьба людьми играет как мячиком*, а человеку самому до конца судьбы своей не проведать [Даль, 2002, Т. I, с. 332; Т. II, с. 7; Т. III, с. 474]. Вот «судьба ему поперечила» и заставила постепенно понять, что в жизни, как она у него стала складываться, совершенно точно *аз да буки не избавят от муки* [Даль, 2002, Т. I, с. 1].

Жизненные невзгоды и беды – *беда на беду* [Даль, 2002, Т. I, с. 151] – навалились на Скандакова, как часто бывает, «ни с того, ни с сего». Так, у него «...ни с того, ни с сего прикинулся к указательному персту на правой руке волос, сделался ногтеед, там перешло в костеед и кончилось тем, что бедный Скандаков наш остался без пальца, то есть не мог свободно владеть им, не мог и писать, и попал и с грамотою своей в рядовые». Впрочем, хоть «...тужил, правда, иногда о прошлом...» Скандаков, но «...жил и служил...», так что в плане службы ситуация с потерей пальца вполне соотносится с поговоркой: *Эта беда не беда, только б больше не была* [Даль, 2002, Т. I, с. 151]. Болельщики не помешала Скандакову выслужиться из рядовых и выйти в отставку унтером.

Тем не менее положение «без рук» не раз лишало Скандакова шансов дополнительно проявить себя по службе, выслужиться гораздо быстрее и быть, возможно, выше чином. Характерен эпизод, когда у «письменной фуры», перевозившей важные документы, лопнула шина. В общем-то ситуация на дороге привычная: *Попала шина на щебёнку – быть ей съеденной; Затем дорогу золотом устлали, чтоб железо ела* [Даль, 2002, Т. IV, с. 633; Т. I, с. 473]. Однако положение осложнялось тем, что «неприятель не за горами <...> фуры бросить нельзя никак, а помощи также ждать неоткуда». Выручил всех из «беды» и «сварил шину» солдат-кузнец Федоров¹⁵, а Скандаков тоже горячо желал, но не смог «пособить горю»: «без рук», он вынужден был лишь «стоять», «молчать» да «хлопать глазами». Это типичная бестолково-беспомощная растерянность *бессноровочного человека*, в Словаре она отражена так: *И хлопает глазами, и разводит руками, а толку нет* [Даль, 2002, Т. I, с. 353].

¹⁴ Такие солдатские представления о лёгкой службе соотносятся с крестьянским мнением о лёгкости жизни грамотея-письменника: Грамота не соха; Перо легче сохи; Перо легче цепа; Перо плеча не ломает. При этом для крестьянина и мастерового грамотей не пахарь, не работник и грамота сохе не польза [Даль, 2002, Т. I, с. 390; Т. III, с. 101].

¹⁵ Для контекста «помощи ждать неоткуда» фамилия «говорящая», восходит к имени Фёдор – от греч. Theodoros «Божий дар», «дар богов» [Никонов, 1993, с. 147; Ганжина, 2001, с. 498].

«Без рук» Скандаков и в быту жил по принципу *люди за дело, а мы за безделье* [Даль, 2002, Т. I, с. 510], что противоречило его натуре «парня ретивого» и заставляло завидовать однополчанам-мастеровым. Так, он с завистью глядел на солдата-портного, который в свободное от службы время «...на мещан и на купцов работает, обшивает и денщиков иных, и все копейка, другая перепадает». Слава богу, эта зависть не мешала Скандакову размышлять, не лишила его здравого смысла: он все яснее понимал, что без ремесла ждёт его в будущем горькая и тяжёлая доля поденщика: за пятиалтынный «...работать <...> с зари до зари в поту лица...»¹⁶.

«Без рук» Скандаков не смог устроить и личное счастье, хотя сватался к «хорошей девке, и с хорошим приданым». Но *богатую невесту беручи, да думай, как станешь семью кормить, сватать, так хвастать* [Даль, 2002, Т. I, с. 125; Т. IV, с. 145] – нечем было Скандакову похвастаться. Отец невесты, рассудив, «...что, коли быть дочери его за солдатом, так лучше быть за таким, у которого есть про запас и руки, который, в случае чего, так и прокормит свою семью...», предпочёл отдать дочь «...за Романова, за сапожника».

Во всех эпизодах Далевой «статьи» проводится мысль, что безруким Скандакова делает не его увечье, а ситуация по пословице: *Без ремесла – без рук*. И в ней Скандаков оказался по своей воле и самонадеянности: выказал «...лишнее доверие к силам и способностям своим, к личным качествам своим...», проявил в юности «...небрежение к чужой опытности, советам и помощи» и «...попрал все благие советы» [Даль, 2002, Т. IV, с. 91, 134; Т. III, с. 300] Жерехова, а потому уже в зрелости ему «...пенять было не на кого...». И действительно, каждый описанный случай раз за разом заставляет Скандакова вспомнить о Жерехове и жалеть, что в своё время он не брал с товарища своего пример и не слушал его «доброе слова» – не жил, как следовало бы, по пословице: *Своим умом живи, а добрыми советами не пренебрегай*, в унисон и в подтверждение которой звучат реплики Даля в Словаре: *О друг, послушай доброго совета!; Пользуйся добрым советом; Последуйте доброму совету; Добрые советы принимай; Послушайся приятельского совета; А ты спросись у добрых людей, как-де тут быть?* [Даль, 2002, Т. III, с. 394; Т. II, с. 565; Т. III, с. 267, 336, 429, 466; Т. IV, с. 299]. Но *русак задом (задним умом) крепок. Вот и Скандаков был умён, да задом, задним умом догадлив* [Даль, 2002, Т. I, с. 575, 576].

Логично предположить, что «добрыми словами» в устах солдата-мастерового Жерехова, которыми он пытался убедить Скандакова учиться ремеслу, были и соответствующие пословицы и поговорки: *Ремесло за плечами не висит (не тяготит); Ремесло – не коромысло, плеч не оттянет; Ремесла за плечами не носят (не носишь), с ним добро; Ремесло пить-есть не просит, а хлеб приносит; Не просит ремесло хлеба, а само кормит; Ремеслу везде почёт; Мастерство везде в почёте; С ремеслом и увечный хлеба добудет; Ремесла за собой (за спиной) не носишь, а с ним добро; Ремесло – вотчина; Ремесло – кормилец; Ремесло пить-есть не просит, а с ним добро (а само кормит)* [Даль, 2002, Т. IV, с. 91–92].

Ими исчерпывающе выражается житейский смысл рассказа.

Между тем упущенные шансы дополнительно выслужиться, неудачное сватовство, отсутствие дополнительной «копейки, другой» на личные нужды – это были для Скандакова, пока он служил, разве что *победки*. Они ему досаждали, он тужил, однако легко о них забывал. Настоящие беды стали одолевать Скандакова, когда он «года выслужил» и «...пустили его на подножный корм <...> да пришлось добывать свой хлеб

¹⁶ О том, чтобы в будущем добывать свой кусок чтением (быть церковным начетчиком, читальщиком по заказу), Скандаков и не думал. Важно, что Даль, предрекая персонажу будущность поденщика, естественно (см. сноску 11), не допускал для него такой возможности заработка, как обучать крестьянских детей грамоте.

<...> в те поры на себе познал Скандаков, как он был сам за себя виноват, и часто не знал, куда деваться. <...> ...трудно было и тяжело».

Если на службе жизнь «без рук» нанесла Скандакову три хоть и чувствительных для самолюбия, но все же сравнительно лёгких по последствиям удара, то после отставки Скандаков проходит по сути три настоящих мытарства, и с каждым беды становятся для него тяжелее. Так, пробовал он служить у господ – «...не всегда место найдёшь, да и не всегда место и служба по тебе придётся», работал в поденщине – «...иногда тяжеленко было, а выручки не много, да и работа не каждый день попадалась», пошёл в извоз – «...прохарчился дорогой, <...> лошадь пала. <...> ...заехал на чужую сторону и не знает, что начать, куда деваться – а хлеб и одежду заработать надо». Конечно, Скандаков за годы *солдатства-солдатчины – двадцать пять лет солдатский век* – привык к лишениям, безденежью, жизни впроголодь: *Солдатская голова, как под дождичком трава; Солдату три деньга в день, куда хочешь, туда и день; Солдат горемыка, хуже лапотного лыка; Хлеб да вода солдатская еда* [Даль, 2002, Т. IV, с. 264–265, 660]. Но тем тяжелее стала для него беда последняя, раз поставила его, оказавшегося с ней «на чужбине», а следовательно, один на один, на грань выживания. Однако *солдатская душа страхована – солдат да малых ребят Бог бережёт* [Даль, 2002, Т. IV, с. 264–265]. К тому же, хоть и считается, что *чужая сторона – дремуч бор, чужая сторона – мачеха, чужая сторона, она тугою орана, слезами засеяна, на чужой стороне и ребёнок враг, но на свете не без добрых людей* [Даль, 2002, Т. IV, с. 613; Т. II, с. 310; Т. IV, с. 440; Т. I, с. 243, 444]. Нашлись и в чужой Скандакову Лебеядни «добрые люди» и подсказали поискать работы у столяра, который «... и живёт хорошо и человек смирный». Этим «хозяином» оказался Жерехов, который «...со дня отставки, жил себе столярным мастером не хуже немца, кормил семью, работал честно и прилежно, и, покуда Господь даровал силы и здоровье, не заботился ни о чем». Так что явно не про него ходила в простонародье шутка: *Столяры да плотники от Бога прокляты: а за то их прокляли, что много лесу перевели*, не про него и дразнилка: *Лачком прикроется* [Даль, 2002, Т. III, с. 129; Т. II, с. 235].

История Жерехова – история жизненного успеха человека, слушавшего мудрые советы старших. Она показывает, что даже «маленький человек» / *пресноводная рыбёшка*¹⁷ способен добиться людского признания и уважения благодаря множеству профессиональных умений и навыков *учёного столяра* [Даль, 2002, Т. IV, с. 528]. Можно думать, что «столярный мастер не хуже немца» Жерехов, который смолоду «...на досуге всегда занимался в столярной...», а значит, любил это *досужество*, овладел мастерством и *мебельщика*, и *мебельного краснодеревца*, и *оконщика*, и *паркетчика*, и *подеревищика* – «каретного, экипажного или машинного», да и выписать «рисунки мебели для фасону», наверное, мог [Даль, 2002, Т. II, с. 188, 664; Т. III, с. 18, 172; Т. IV, с. 532]. Про таких, как Жерехов, примечали: *Клеек да рубанок столяру отцы родные* [Даль, 2002, Т. II, с. 116].

История Скандакова, понадевшегося на грамотность, думавшего, что она поможет ему играючи прожить жизнь, *с кондачка*, как в пляске, ударив пяткой в землю, про-

¹⁷ Даль не говорит о качествах Жерехова как «хищной рыбы» [Фасмер, 1986, с. 49] или проницательной «мелкой рыбы» – его положительные персонажи не действуют в ущерб другим. Но фамилия отражает стремление кантониста Жерехова трудом, расширяя, совершенствуя столярные навыки, как бы выпрыгнуть наверх – выбиться в люди. И все не случайно у Даля жерех – и «мелкая рыба, астрх. черная (не красная) ...», и «...конь-рыба? или конёк...» [Даль, 2002, Т. II, с. 316; Т. I, с. 535]. В этой связи и Далев вопрос (конь-рыба?) решается положительно: по С. Т. Аксакову, жерех «...очень любит выпрыгивать из воды и плескаться на её поверхности из одного удовольствия, а не для преследования добычи; <...> ...выскакивая из воды, расширяет свои плавательные, и без того весьма широкие, перья и гребень. <...> ...эту рыбу называют конь: название – тоже приличное по её скачкам» [Аксаков, 1987, с. 120–121]. «Ты червь, былинка, выслужись верой и правдой, окупи душу свою, скажись сам человеком – будет тебе почёт и здесь и там...», – таково требование Даля в «Досугах» к русскому солдату, выраженное в духе народно-христианской аксиологии. Хотя он не говорит о службе Жерехова, логично предположить: хороший столяр, он до отставки был и хорошим солдатом.

скакнуть через трудности и беды¹⁸, – своего рода «хождение по мукам», а может, «жизнь» человека, переоценившего себя и, несмотря на свои солдатские заслуги, едва не оказавшегося на дне жизни, если бы не помощь Жерехова. Когда отчаявшийся Скандакков пришёл к Жерехову наниматься, тот не забыл старую дружбу, солдатское братство и принял бедолагу. Такой финал – противовес пословице *Залез в богатство, забыл и братство* [Даль, 2002, Т. I, с. 124].

5. Заключение

Таким образом, «Мастерового человека» можно считать не только литературным произведением. Его текст – ключ к смыслу ряда паремий как части русского языкового сознания. Как показал проведённый анализ, сюжетные коллизии, отражённые в народной «статье» Даля, можно рассматривать как прототипические ситуации, которые так или иначе содержательно соотносятся с иллюстративно-паремическими материалами Далева словаря. Народные пословицы и поговорки, реплики и суждения самого Даля-«словарника» сопровождают (за текстом) сюжет произведения Даля-писателя. Тем самым оно органично вписывается не только в контекст проблем и сюжетов русской народоведческой литературы середины XIX века, но и в устную традицию отечественной словесности, в духе которой Даль и стремился создавать свои произведения для народного чтения. В свою очередь, паремии, становясь как бы окружением, внешним фоном, зеркалом, полем ассоциаций далевского «Мастерового человека», с одной стороны, создают базу для множественной интерпретации этого произведения, ведут к возможности разного «истолкования» отражённых в нём житейских ситуаций, с другой стороны, они поясняют характеры и действия персонажей, дополнительно их иллюстрируя, и, в конечном итоге, манифестируют собственно авторское видение житейского смысла этой народной «статьи» в целом. Таким образом, последнее слово остаётся все-таки за основным рассказчиком, и его точка зрения доминирует, что вполне согласуется с характером и особенностями как народного разговора, когда «один другому, поздоровавшись, рассказывает, что видел, слышал, думал и делал», так и неспешной крестьянской беседы, когда общее обсуждение то распадается на разговоры «про нынешнее, про былое, про будущее», то возвращается к своей главной теме и цели. Неслучайно этой разговорно-беседной аурой наполнены все народные произведения далевских «складчин всякого добра» [Даль, 2019]. Даль своей практикой убеждал современников изучать (открывать, осваивать) пласты народной культуры, «сроднять» себя с нею, напитываясь прежде всего духом родного языка. Вместе со своим «двойником» Васильком он был уверен, что «духу нашего языка надобно учиться ныне у костромского, ярославского и вообще всякого русского крестьянина, у простолюдина, потому что этому из книг научиться нельзя», а «...необходимо проветриваться от времени до времени в губерниях и прислушиваться чутко направо и налево» [Даль, 2017, с. 547] к «живой» народной речи и так узнавать «...отечество своё с последней и низшей ступени его, с основания...».

---

¹⁸ В фамилии персонажа – история его жизни: отпустил с кондачка – и попался в беду [Максимов, 1890, с. 429]. Рифмуется она с характером Скандаккова: парня ретивого – горячо-порывистого, пылкого, склонного порой действовать с кондачка, наскоком, не подумав, на авось; человека бесспорочного, потому неосновательного, поверхностного: «все-таки с лёгким плясовым взглядом на жизнь». Эта характеристика, данная Далем гувернанткам в «Момыри», применима к Скандаккову с учетом этимологии онама: «Скандак, м. скандачек, пляска, один из приемов выступления народной мужской пляски: пяткой в землю, а носком вверх» [Даль, 2002, т. IV, с. 192].

Список литературы

- Аксаков, 1981 – Аксаков, И. С. Речь о А. Ф. Гильфердинге, В. И. Дале и К. И. Невоструеве [Текст] / И. С. Аксаков // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / сост., вступит. ст. и коммент. А. С. Курилова. – М. : Современник, 1981. – С. 256–263.
- Аксаков, 1987 – Аксаков, С. Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии [Текст] / С. Т. Аксаков. – М. : Сов. Россия, 1987. – 528 с.
- Байрамукова, 2013 – Байрамукова, А. И. Лингвоэнциклопедизм В. И. Даля [Текст] / А. И. Байрамукова; под ред. К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. – Ставрополь : СКФУ, 2013. – 516 с.
- Ганжина, 2001 – Ганжина, И. М. Словарь современных русских фамилий [Текст] / И. М. Ганжина. – М. : Астрель; АСТ, 2001. – 672 с.
- Даль, 2017 – Даль, В. И. Собрание сочинений: в 8 т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : Терра; Книговек, 2017. – Т. 8.
- Даль, 2019 – Даль, В. И. Вступление к изданию [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа : <http://web.petsu.ru/~dahl/html/pdf/VST42.pdf>.
- Даль, 2002 – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 2002. – Т. I–IV.
- Иванов, Лакербай, 2017 – Иванов, Д. И. Теория субъектности текста и русская поэзия XX века [Текст] / Д. И. Иванов, Д. Л. Лакербай. – Иваново : ПресСто, 2017. – 336 с.
- Максимов, 1890 – Максимов, С. В. Крылатые слова: по толкованию С. Максимова [Текст] / С. В. Максимов. – СПб. : Изд-во А. С. Суворина, 1890. – 486 с.
- Мельников-Печерский, 2017 – Мельников-Печерский, П. И. Владимир Иванович Даль. Критико-биографический очерк П. И. Мельникова (Андрея Печерского) [Текст] / П. И. Мельников-Печерский // Даль В. И. Собрание сочинений: в 8 т. – М. : Терра; Книговек, 2017. – Т. 1. – С. 5–68.
- Мильдон, 2002 – Мильдон, В. «...Взять любой случай...» (Литературная техника В. И. Даля) [Текст] / В. Мильдон // Вопр. литературы. – 2002. – № 6. – С. 156–167.
- Никонов, 1993 – Никонов, В. А. Словарь русских фамилий [Текст] / В. А. Никонов; сост. Е. Л. Крушельницкий. – М. : Школа-Пресс, 1993. – 224 с.
- Путилина, 2008 – Путилина, С. В. В. И. Даль как литератор [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Путилина Светлана Владимировна; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2008. – 27 с.
- Ростов, 2013 – Ростов, О. Р. Лексические маркеры жанра народных сборников В. И. Даля «Солдатские досуги», «Матросские досуги», «Два сорока бывальщинок» [Текст] / О. Р. Ростов // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 1. – С. 79–82.
- Ростов, Тамаев, 2017 – Ростов, О. Р. Слово живое как выражение народного самосознания в наблюдениях и в трактовке В. И. Даля: ключевые понятия патриотизма и организации русской жизни [Текст] / О. Р. Ростов, П. М. Тамаев // Вестн. Костромского гос. ун-та. – 2017. – Т. 23. – № 2. – С. 133–136.
- Степанов, 1949 – Степанов, Н. Л. Русская басня [Текст] / Н. Л. Степанов // Русская басня XVIII и XIX века. – Л. : Сов. писатель, 1949. – С. VII–LXVIII.
- Страхов, 1984 – Страхов, Н. Н. Литературная критика [Текст] / Н. Н. Страхов. – М. : Современник, 1984. – 431 с.
- Тамаев, 2001 – Тамаев, П. М. Статьи В. И. Даля в контексте раздумий о народной словесности [Текст] / П. М. Тамаев // Вестн. Ивановского гос. ун-та. Сер. Филология. – 2001. – Вып. 1. – С. 53–61.
- Толстой, 1995 – Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.
- Фархутдинова, 2000 – Фархутдинова, Ф. Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова... Опыт лингвокультурологического анализа русскости [Текст] / Ф. Ф. Фархутдинова. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2000. – 204 с.
- Фасмер, 1986 – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / М. Фасмер; пер с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 2 (Е–Муж). – 672 с.

- Фесенко, 1999 – Фесенко, Ю. П. Проза В. И. Даля. Творческая эволюция [Текст] / Ю. П. Фесенко. – Луганск; СПб. : Альма-матер, 1999. – 262 с.
- Шведова, 1999 – Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» [Текст] / Н. Ю. Шведова // Вопр. языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.
- Юган, 2011 – Юган, Н. Л. В. И. Даль и русская литература 30–60-х гг. XIX в. [Текст] / Н. Л. Юган. – Луганск : Луганский нац. ун-т им. Т. Шевченко, 2011. – 400 с.

References

- Aksakov, I. S. (1981). *Rech' o A.F.Gil'ferdinge, V.I. Dale i K. I. Nevostruyeve* [Speech about A. F. Hilferding, V. I. Dahl and K. I. Nevostruyev]. Moscow : Sovremennik Press.
- Aksakov, S. T. (1987). *Zapiski ruzheynogo okhotnika Orenburgskoy gubernii* [Notes of the rifle hunter of the Orenburg province]. Moscow : Sovyetskaya Rossiya Press.
- Bayramukova, A. I. (2013). *Lingvoentsiklopedizm V.I. Dalya* [Encyclopedic approach of V. I. Dahl to linguistics]. Stavropol : North-Caucasus Federal University Press.
- Ganzhina, I. M. (2001). *Slovar' sovremennykh russkikh familiy* [Dictionary of modern Russian surnames]. Moscow : Astrel'; AST Press.
- Dal', V. I. (2017). *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]: In 8 vol. Vol. 8. Moscow : Terra; Knigovek Press.
- Dal', V. I. (2019). *Vstupeniye k izdaniyu* [Introduction to edition]. Retrieved from: <<http://web.petrus.ru/~dahl/html/pdf/VST42.pdf>>.
- Dal', V. I. (2002). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: In 4 vol. Moscow : Russkiy yazyk Press.
- Ivanov, D. I., Lakerbay, D. L. (2017). *Teoriya sub'yektnosti teksta i russkaya poeziya XX veka* [Theory of subjectivity of the text and Russian poetry of the XX century]. Ivanovo : PresSto.
- Maksimov, S. V. (1890). *Krylatyya slova: po tolkovaniyu S. Maksimova* [Winged words: As interpreted by S. Maximov]. StPetersburg : A. S. Suvorin Press.
- Mel'nikov-Pecherskiy, P. I. (2017). Vladimir Ivanovich Dal'. Kritiko-biograficheskiy ocherk P. I. Mel'nikova (Andriya Pecherskogo) [Vladimir Ivanovich Dahl. Criticism and biography essay of P. I. Melnikov (Andrei Pechersky)]. *Dal' V. I. Sobraniye sochineniy* [Dahl V. I. Collected Works]: In 8 vol. (Vol. 1, pp. 5–68). Moscow : Terra; Knigovek Press.
- Mil'don, V. (2002). «...Vzyat' lyuboy sluchay...» (Literaturnaya tekhnika V. I. Dalya) [“...To take any case...” (Literary technique of V. I. Dahl)]. *Vopr. literatury* [Topics in the Study of Literature], 6, 156–167.
- Nikonov, V. A. (1993). *Slovar' russkikh familiy* [Dictionary of Russian surnames]. Moscow : Shkola-Press.
- Putilina, S. V. (2008). *V. I. Dal' kak literator* [Dahl as a writer]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Lomonosov Moscow State University.
- Rostov, O. R. (2013). *Leksicheskiye markery zhanra narodnykh sbornikov V. I. Dalya «Soldatskiye dosugi», «Matrosskiye dosugi», «Dva soroka byval'shchinok»* [Lexical genre markers of V. I. Dahl's collections of Russian folk compilations "Soldiers' Leisure Activities", "Seamen's Leisure Activities", "Two Forties of Unfantastic Short Stories"]. *Vestn. Kostromskogo gos. un-ta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 19 (1), 79–82.
- Rostov, O. R., Tamayev, P. M. (2017). *Slovo zhivoye kak vyrazheniye narodnogo samosoznaniya v nablyudeniyyakh i v traktovke V. I. Dalya: klyuchevyye ponyatiya patriotizma i organizatsii russkoy zhizni* [Live word as a expression of the folkish identity in observations and in the treatment of Vladimir Dahl: Key concepts of patriotism and organisation of Russian life]. *Vestn. Kostromskogo gos. un-ta* [Vestnik of Kostroma State University], 23 (2), 133–136.
- Stepanov, N. L. (1949). Russkaya basnya [Russian fable]. *Russkaya basnya XVIII i XIX veka* [Russian fable of the XVIII and XIX centuries] (pp. VII–LXVIII). Leningrad : Sovyetskiy pisatel' Press.
- Strakhov, N. N. (1984). *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow : Sovremennik Press.

- Tamayev, P. M. (2001). Stat'i V. I. Dal'ya v kontekste razdumiy o narodnoy slovesnosti [Articles by V. I. Dahl in the context of thoughts about folk literature]. *Vestn. Ivanovskogo gos. un-ta. Ser. Filologiya* [Vestnik of Ivanovo State University. Ser. Philology], 1, 53–61.
- Tolstoy, N. I. (1995). *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow : Indrik Press.
- Farkhutdinova, F. F. (2000). *Vzglyanut' na mir skvoz' prizmu slova... Opyt lingvokul'turologicheskogo analiza russkosti* [A glance at the world through the prism of a word... Experience in linguocultural analysis of Russianness]. Ivanovo : Ivanovo State University.
- Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The etymological dictionary of the Russian language]: In 4 vol. Vol. 2: (E–Muzh). Translation from German and additions by O. N. Trubachev. Moscow : Progress Press.
- Fesenko, Yu. P. (1999). *Proza V. I. Dal'ya. Tvorcheskaya evolyutsiya* [Prose of V. I. Dahl. Creative evolution]. Lugansk; St Petersburg : Al'ma-mater Press.
- Shvedova, N. Yu. (1999). Teoreticheskiye rezul'taty, poluchennyye v rabote nad «Russkim semanticheskim slovarem» [Some theoretical results of the work over the “Russian semantic dictionary”]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1, 3–16.
- Yugan, N. L. (2011). *V. I. Dal' i russkaya literatura 30–60-kh gg. XIX v.* [V. I. Dahl and Russian literature of the 30–60s. XIX century]. Lugansk : Shevchenko Lugansk Nation University.